

Т. Г. Фруменкова

**ПРИКАЗ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ
ВЫБОРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
(80–90-е гг. XVIII в.)**

7 ноября 1775 г. было опубликовано «Учреждение для управления губерний Российской империи», положившее начало важнейшей реформе Екатерины II. В 1783 г. на территории присоединенных от Швеции земель было создано Выборгское наместничество из 6 уездов¹ (вместо Выборгской губернии). Его образование должно было стать этапом унификации управления на всей территории империи, включая национальные окраины. По сведениям русского исследователя М. И. Бородкина, при Екатерине продолжалось «обрусение» губерний². Вскоре последовал именной указ губернатору, по которому «за недостатком дворян в наместничестве Выборгском» предлагалось определять в должности «из дворян чиновных людей других губерний»³.

В 1780-е гг. в Выборгском наместничестве появился и приказ общественного призрения — «наиболее яркое проявление политики просвещенного абсолютизма в проведении областной реформы»⁴. Документов приказа обнаружено немного. В фонде приказа в Ленинградском областном государственном архиве в Выборге (ЛОГАВ) сохранились 7 дел с указами наместнического правления, а также журналы и реестры приказа за 1786–1788 и 1794–1795 гг.

По закону в 1786 г. приказ возглавил наместник генерал-поручик герцог Ф. В. Вюртембергский, брат великой княгини Марии Федоровны, в 1795 г. — правитель генерал-поручик князь Ф. П. Щербатов⁵. В 1795 г. заседающими в приказе были дворянские заседатели Карл фон Дрешерн и Антон фон Геннин, заседатели от магистрата Александр Тессен и Кристиан Бартрам, а также заседатели, видимо, от крестьянского сословия Матиас Рюсюляин и Томас Каукинен⁶. Неизвестно, на каком языке проходили заседания приказа, в составе которого русских до 1795 г. не было, а в 1795–1796 гг. им являлся только сам правитель губернии, но штатных

единиц в приказе было две. Кроме сторожа, это переводчик наместнического правления Ульрих Лавониус, который получал от приказа жалование по 100 руб. в год за «исправление в сем правлении письменных на российском языке дел»⁷.

Как и другие подобные учреждения, приказы превратились в значительной степени в кредитно-финансовые учреждения регионального масштаба. Из 172 вопросов, по которым приказ принимал решения в 1795 г., 63, то есть, около 37% были посвящены проблемам частных займов и вкладов, еще 5 сообщали о зачислении в приход штрафов, значит, до 40% «вступающих дел» этого года отражали заботу учреждения о пополнении своей казны⁸.

«Учреждения» разрешали приказу отдавать выделенные ему средства в «проценты на верные заклады». Залогом могла стать недвижимость — населенные имения с ревизскими душами или земли на территории наместничества, займы на сумму от 500 до 1000 руб. полагалось выдавать на срок до года с возможностью продления. Отсутствие подробных инструкций и некоторая автономность наместничества привели к финансовым нарушениям. По сведениям историка В. В. Морозана (их позволяют дополнить материалы Выборгского архива), в 1795 г. Ф. П. Щербатов представил Сенату рапорт, в котором сообщал о раздаче приказом займов под залог каменных и деревянных домов, дворовых мест, пильных мельниц и долей во владении ими, а также находившихся во владении чиновников казенных «гейматов», то есть, земель, состоявших в крестьянском пользовании. Всего приказ выдал 22 700 руб., преимущественно губернским чиновникам. В ходе сенатского разбирательства правителю наместничества указали на нарушение правил деятельности приказов и банковских норм. Сенат приказал немедленно вернуть все кредиты, а Ф. П. Щербатов был отстранен от должности⁹.

Архивные документы выявляют и другие нарушения правил выдачи займов, и картину, типичную для других подобных учреждений того времени, в частности, для сохранный казны воспитательного дома. Многие заемщики в лучшем случае вносили проценты и из года в год просили о продлении срока займа. В 1795 г. приказ одобрил продление 22 займов. Некоторые просители получили предупреждение о последней отсрочке. Так, надворный советник Клипт получил 1000 руб., кстати, с незаконным «залогом дворового места и геймата его Нурмела», и эта сумма «в долге 11 лет незаконно в одних руках». Участники заседания заявили, что в продлении следовало отказать, но «есте законные препятствия», и продлили заем «на последний год»¹⁰. Вильманstrandская купеческая вдова А. Х. Ванен взяла в приказе 500 руб. под залог принадлежавших ей и пасторской вдове Варенберг «права владения к двум

«коронным гейматам». Она не возвращала долг более 3 лет, но убедила приказ, что без продления вернуть его вообще не сможет, и получила отсрочку «на последний год». Двух чиновных просителей — коллежского ассессора Г. Горнборга (1000 руб., залог — «наследооброчный геймат») и уездного судью Таваста (500 руб. — «дворовое место с двумя каменными погребками и в Новокирхском киршпиле геймат») также предупредили, что отсрочка дается им на «последний год», а третьему — коллежскому советнику фон Рейценштерну продлили заем в 500 руб. на 6 месяцев вместо года¹¹.

Еще 11 заемщикам в отсрочке отказали: выборгскому купцу П. Г. Янишу («по ненадежности поручителей»), тому же фон Тавасту («залог недостаточен»), коллежскому советнику Линдену — он просил продлить заем под залог деревянного дома. Отказы участились после принятия 5 июля 1795 г. Сенатом указа, регламентировавшего залогов. Со ссылкой на него участники заседания отказали в отсрочке уплаты 1000 руб. статскому советнику Ореусу, генерал-майору Эйлеру, надворному советнику Г. Горнборгу, у которого также был не один заем, заседателю совместного суда Г. Сутгофу, выборгским земскому исправнику Сюхевичу, купцу Ф. Венроту, регистратору ревизского архива Лебергу, из-за запрещенных залогов — деревянных домов, «дворовых мест» и «гейматов». За 1795 г. были возвращены только 6 займов, новые кредиты получили всего 3 человека, еще одному — советнику наместнического правления фон Свенсону — в займе 500 руб. под залог «дворового места с погребом» было отказано¹².

В законное русло пытались вернуть ситуацию вокруг займа вдовы Векман: серебряник К. Форсман купил у нее заложенный дом, с переходом на него и самого долга, затем внес в приказ 100 руб. и сообщил, что «за бедностью своею принужден был сказанной дом продать... за 250 руб.». Приказ сделал запрос в гражданскую палату, допустившую сделку с запрещенным к продаже домом, который оказался «погорелым дворовым местом», сделка не была утверждена¹³.

В 1795 г. в приказе несколько раз составлялись списки должников. Два крестьянина вскоре вернули половину долга — 50 руб. с процентами и получили полугодовую отсрочку на вторую его половину. Штрафа с них не взяли — причины задержки с выплатой были признаны уважительными. Вильманstrandский врач Меларт вернул в приказ, в котором служил, заем в 150 руб. на покупку медикаментов с процентами и попросил еще 150 руб. «на таковую же покупку с тем, чтобы их не требовали обратно, а велели на оную сумму иметь медикаментов в наличии». Заседание постановило «на медикаменты впредь выдавать с поручительством 100 руб. с обязательством, чтоб в медикаментах недостатка не было. Проценты не узаконены»¹⁴.

Во второй список, кроме тех, кому отказали в отсрочке, был включен часовой мастер Гулковиус. 14 ноября всем им предоставили «срок для исправления их до 1 февраля, буде внесены не будут, будет поступлено по силе закона». Сохранялись и нарушения в размерах выдаваемых и продлеваемых сумм: документы называют займы в 4000, 3500, 2000 и 1800 руб.¹⁵

Кроме того, в приказ поступали судебные штрафы и отчисления от конфискованных контрабандных и т. п. товаров. К примеру, 1794 г. суды и губернский прокурор внесли в приказ штрафные деньги, взятые за правонарушения, «пустое вчинение тяжбы и спора», «недопоставление протоколов» и «неявку к суду», — 373 руб. 70 коп. Из суда же поступили отчисления за продажу сала — 20 руб. 70 коп. Из казенной палаты прислали конфискованные у шведских крестьян российские деньги — 24 руб. 24 ½ коп. Из судов, а также из портовой таможни пришли штрафы за конфискованное хлебное вино — 333 руб. 10²/₃ коп.¹⁶

Средства приказа расходовались в том числе на народные школы. После утверждения Устава народных училищ 1786 г. в ведении приказа общественного призрения должны были находиться главное училище в губернском городе и малые в уездных городах. В Выборгском наместничестве малые училища работали в Нейшлоте, Фридрихсгаме, Вильманстранде, Сердоболе и Кексгольме. Главное училище действовало в Выборге. Директором народных училищ являлся губернский прокурор А. фон Брант. Ему регулярно выделялись деньги на жалование учителям, средства на содержание школьных зданий, другие хозяйственные нужды.

Например, в 1794 г. «учителю Котловскому за выстроение при Нейшлотском школьном доме бани и сарая» было выдано 35 руб. Большие суммы на хозяйственные цели могли выдаваться «в заимообраз». Так, в сентябре 1795 г. Кексгольмская градская дума вернула в приказ 502 руб. 50 коп., полученные «для покупки школьного дома». Время от времени А. фон Брант делал «словесное представление... отпустить ему из школьной суммы на расходы» по какому-либо из малых училищ 50 руб.» или заявлял, что «на разные расходы по здешнему главному народному училищу потребно 200 руб.», и получал их. Он сообщал, например, что училищу нужны деньги «на покупку книг». В 1794 г. он предложил выписать для главного училища экземпляр «Трудов Вольного экономического общества». Значительную часть денег на содержание училищ присылали в Выборг местные Думы из городских доходов¹⁷.

О педагогах удалось узнать немного. 15 июня 1794 г. в Выборг прибыл «выписанный из Эрфурта учитель Иоганн Фелькер». За проезд ему было выдано 25 руб. В июне 1795 г. учитель рисования главного училища подпоручик Дрейер указом Сената был определен в Сердобольский

уезд землемером, а уже упоминавшийся учитель Котловский в октябре того же года получил займы 100 руб. «на расплату долгов» с небольшими вычетами из будущего жалования¹⁸. Доходы учителей явно были очень скромными.

«Неимущих сирот» разрешалось отдавать на воспитание «надежным... людям... за умеренную плату»¹⁹. За «найденшей» в приказе отвечал заседатель верхнего земского суда А. фон Геннин. В апреле 1795 г. под контролем приказа находились два «женского полу найденыша» — Варвара, которая с 7 декабря 1794 г. воспитывалась в семье крестьянина Суйканена, и Настасья, 20 декабря отданная «женке Наталье Максимовой». Оба воспитателя получили по 10 руб. за треть года. В июле к ним добавилась «женка Агафья», принявшая «найденыша Екатерину», и получила за первую треть года 9 руб. Летом в неназванную приемную семью поступила Марья, которая вскоре умерла. На ее «прокормление», крещение и погребение было отпущено 2 руб. 85 коп. В октябре А. фон Геннин сообщил о смерти маленькой Екатерины. За два месяца воспитательница получила 4 руб. и еще 1 руб. на погребение ребенка. 25 октября фон Геннин сообщил, что «находящаяся при здешней больнице сидельницею женка Наталья Максимова желает отданного ей на выкормление младенца Настасью, приняв в воспитание яко собственное дитя, и для того просит отдать ей в приемыши». Сиделке заплатили 5 руб. за работу с 20 августа, на удочерение согласились²⁰.

«Учреждение» рекомендовало приказам устроить богадельни. Проблема призрения нищих волновала и наместническое правление. В мае 1786 г. правление, отметив, что «нищие и убогие... питаются шатанием в прошения весьма стыдным позорным образом милотины в уездах по киршилям и деревням, а в городах по обывательским домам», потребовало от земских исправников принять меры к их «прокормлению» в соответствии с «Учреждением». В августе 1786 г. разрабатывались планы строительства в Выборге каменного здания богадельни приказа «из завещанной купцом Ладо суммы», однако влиятельные наследники купца заявили, что завещанные средства поступили «в ведомство» городского магистрата и должны оставаться «под смотрением» наследников, о чем они сообщили в Сенат. Но, несмотря на сенатский указ, призвавший составить проект, дело, видимо, остановилось. В 1794–1795 гг. о выборгской богадельне в приказе не упоминалось. Есть сведения только о ладожской богадельне, которой ведала особая комиссия. «Вспоможение бедным» оказывали по уездам. Ежегодно градские думы посылали в приказ отчет о расходовании средств и «проект» городских расходов на помощь бедным на следующий год. Приказ давал разрешение на их расходование и выступал в роли контролирующей организации. В Выборге в 1795 г.

предполагалось израсходовать на эти цели 5500 руб., во Фридрихсгаме — 1876 руб. 40 коп., в Вильманстранде — 200 руб., а в Кексгольме — 196 руб. Речь шла о помощи неимущим вдовам и девицам из высших и средних сословий. Выборгская дума, видимо, в ответ на претензии приказа, заявила, что «купеческие вдовы Шредер, Аудар, Бартрам и Тето, вильманстрандская вдова Поссе, рентмейстерская вдова и девица Кульманова, некоторое и имеют собственное имение и доход, но по недостаточеству оного на их содержание, равно как и вдова нотариуса Бурхгарта,.. по бедности их имеют право на получение такового вспоможения». Суммы бедным выделялись небольшие. Так, 15 октября из Вильманстрядского нижнего земского суда сообщили, что «сержантская вдова фон Нандельстед еще находится в живых, обретается в Савитайпальском киршпиле, и по крайнему убожеству имеет нужду в вспомошествовании». Приказ разрешил выдать ей 15 руб. Фридрихсгамская дума, напротив, отказалась выполнить просьбу правителя наместничества «о произведении вдове поручика Тепловой в треть по 10 руб.», так как о ней по «Учреждению» должна заботиться дворянская опека²¹.

В ведении приказа находились госпитали и оспенный дом — медицинское учреждение, в котором делали прививки от оспы. «Материю» для прививки тогда брали у переболевшего человека, и получившие прививку, обычно дети, должны были какое-то время находиться под наблюдением. За деньгами на содержание дома наместник или дворяне-заседатели лично ездили в Петербург и получали их из Кабинета Ее Величества — по 1910 руб. в год. Их передавали в рост «в верные руки». Все медицинские учреждения отчитывались перед приказом шнуровыми приходо-расходными книгами и списками пациентов. Смотрителю дома доктору Поссе выдавали суммы на содержание дома и на жалование. Кроме смотрителя, получавшего 500 руб. в год, в доме работал писарь Лаврентий Лингнель (100 руб.), ученик — отставной сержант Прохор Матвеев (60 руб.), 2–3 служанки (по 18 руб.). Приходилось обращаться и за дополнительными средствами — на покупку дров, на содержание детей и т. п. В августе 1795 г. губернский архитектор Брокман составил смету на ремонт оспенного дома в 524 руб. 50 коп. Выборгский купец Я. Лунд вызвался «ветхости... исправить» за 687 руб. Завершив ремонт за два месяца, купец потребовал сверх контракта 74 руб. 28 коп., заявив, что дополнительные «исправления» делал по требованию смотрителя. После проверки ему заплатили сверх контракта 60 руб.²²

Госпиталей в наместничестве было по меньшей мере три — один обычный и два для венерических больных. В 1786 г. их снабжали всем необходимым: из наместничества в приказ передали холст, чулки, бумагу, мыло, свечи, вощеную бумагу, были сшиты простыни и белье для боль-

ных. Туда же были присланы 10 медных колокольчиков (с их помощью больные могли позвать на помощь). Лазареты требовали немалых затрат. В марте 1795 г. Ф. П. Щербатов передал в приказ копию сенатского указа, предписывавшего об «удалении всех излишеств и о принятии в больницы такого только числа опаснейших больных, какое процентом принадлежащего приказу капитала без упадка других заведений содержать можно». Действительно, уездный лекарь Шиндлер регулярно предъявлял счета аптекаря Грече на оплату лекарств с уступкой для приказа в 10% их цены (181 руб. 89 коп. за год), приобретались инструменты, очевидно, для обоих выборгских лазаретов (456 руб. 20 коп.), на дрова дополнительно было выделено 100 руб. Кроме того, еще в 1791 г. доктор занял в казенной палате 150 руб. «на порцию больным и на покупку дров» и представил документы, подтверждающие расходы (так же приходилось поступить и врачу К. Меларту). 23 мая 1795 г. правитель наместничества решил уволить Шиндлера, «по малому числу больных, в больнице... находящихся», и поручил ее «смотрение» доктору Поссе²³.

Если привычка лечить обычные болезни в лазаретах, видимо, еще не сложилась, то венерический лазарет не пустовал. Между тем, еще в 1785 г. в Сенате узнали, что в числе казенных строений в наместничестве состоят построенные в 1756 г. для «случившихся в опасной заразной болезни больных два земские лазарета». Из них выборгский «в такую пришел ветхость, что без починки одного одержимых венерической болезнью чрез будущую зиму в нем никак пользоваться не можно». Сенат приказал правлению отремонтировать здания, но возник спор о том, за чей счет следует провести «починки» — города или приказа. Чем дело окончилось, документы не сообщают, но в мае 1795 г. доктор Шиндлер представил в приказ рапорт, в котором писал «о ветхости занятого под венерический лазарет дома, и что в оном лазарете не достает постелей, кроватей и белья». Участники совещания направили архитектора для осмотра здания. Он заявил: «Дом... не стоит уже потребной на исправление одного суммы, почему он, осмотрев все поблизости одного находящегося дома, нашел принадлежащий экзекутору Коммандеру удобнейший и стоящий... 400 руб.» В январе и феврале 1795 г. в госпитале лечились 33 больных, что, очевидно, превышало его возможности, и доктор постоянно требовал дополнительных средств на них, на отопление ветхого дома, на лекарства. За 1795 г. только на медикаменты со скидкой было потрачено более 370 руб. Часть пациентов должна была оплачивать лечение в госпитале. 10 августа 1795 г. доктор Шиндлер представил в приказ рапорт «о взимании следуемых за содержание и лечение в венерическом лазарете с наименованных в том рапорте крестьян денег, всего 47 руб. 49 коп. чрез кого следует». Недостаток средств «на лечение одержимых прилипчи-

выми болезнями бедных людей» в районе, граничившем со столичным, вызвал беспокойство в Петербурге. В августе 1795 г. императрица, узнав «о недостатке в сем приказе суммы», повелела «для означенной надобности» ассигновать из доходов Петербургского приказа общественного призрения ежегодно по 791 руб. 22 коп. в течение 4 лет»²⁴.

О втором венерическом госпитале документы упоминают лишь однажды. В 1794 г. приказ получил рапорт уездного лекаря Олонгрена о том, что за пользование венерических больных в Вильманstrandском лазарете, а также доктору К. Меларту за дрова и свечи следует отпустить соответственно 137 руб. 63 коп. и 36 руб. 45 коп. К. Меларт, видимо, принимал больных на дому. В 1786 г. он представил в приказ на оплату счет «за излечение... одержимой в меланхолей болезни неимущей женки Маргареты Корпеляны издержанные медикаменты» 64 руб. 54 коп. Жалованье от приказа получала и повивальная бабка Векман²⁵.

История Выборгского приказа общественно призрения в 1780–1790-е гг. показывает, как на территории наместничества проходил процесс унификации системы управления в специфическом окраинном районе империи. Финансово-кредитное направление работы приказа испытывало трудности: местные чиновники и купцы оказались столь же необязательными в возвращении долгов, как и русские дворяне, а населенных крепостными крестьянами имений здесь было мало. Зато в наместничестве появились патронируемые приказом городские народные училища, госпитали, вели прием врачи, складывались начатки системы помощи сиротам и бедным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (Далее: ПСЗ РИ. Собр. 1). Т. 20. № 14392; Т. 21. № 15795.

² *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912. С. 25.

³ ПСЗ РИ. Т. 21. № 15850.

⁴ *Павленко Н. И.* Екатерина Великая. М., 2004. С. 181; *Каменский А. Б.* От Петра до Павла. Реформы в России XVIII в. М., 2001. С. 431.

⁵ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (далее: ЛОГАВ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 80; Д. 5. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Д. 6. Л. 42; д. 7. Л. 15 об.

⁸ Там же. Д. 7. Л. 1–42 об.

⁹ *Морозан В. В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб., 2004. С. 120.

¹⁰ ЛОГАВ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 7. Л. 19–19 об.

¹¹ Там же. Л. 10 об., 11 об., 21 об., 24.

- ¹² Там же. Л. 12, 16 об., 24, 26, 27–27 об., 31 об., 34, 35–35 об., 40.
- ¹³ Там же. Л. 10, 13 об., 16.
- ¹⁴ Там же. Л. 22, 23,
- ¹⁵ Там же. Д. 3. Л. 29; Д. 5. Л. 103; Д. 7. Л. 7 об., 8 об., 20 об., 37 об., 40 об.
- ¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 5, 19, 22, 36, 41, 48, 55, 59, 68, 77.
- ¹⁷ Там же. Л. 6, 11, 34, 42, 46, 49, 74; Д. 5. Л. 28, 56, 60, 94, 127.
- ¹⁸ Там же. Д. 3. Л. 26; Д. 5. Л. 67, 108.
- ¹⁹ ПСЗ РИ. Т. 20. № 14392.
- ²⁰ ЛОГАВ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. Л. 41, 66, 75, 79, 83; Д. 7. 153, 171.
- ²¹ Там же. Д. 1. Л. 223–223 об., 341, 343–343 об.; Д. 6. Л. 17, 25, 27, 84; Д. 7. Л. 2–2 об., 17 об.
- ²² Там же. Д. 3. Л. 27; Д. 6. Л. 15, 40, 80; Д. 7. Л. 3, 6 об., 13 об., 20, 32 об., 36 об., 38–38 об.
- ²³ Там же. Д. 1. Л. 55, 69; Д. 6. Л. 71; Д. 7. Л. 1–1 об., 11 об., 12 об. — 13, 18, 20 об., 40 об.
- ²⁴ Там же. Д. 1. Л. 52–53 об., Д. 6. Л. 14, 24, 46, 82; Д. 7. Л. 1, 5 об., 9, 18, 21, 25, 29, 33.
- ²⁵ Там же. Д. 1. Л. 191; Д. 3. Л. 37, 50; Д. 7. Л. 5.

ЛИТЕРАТУРА

- Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб.: Государственная типография, 1912. 446 с.
- Каменский А. Б.* От Петра до Павла. Реформы в России XVIII в. (Опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 2001. 575 с.
- Морозан В. В.* История банковского дела в России (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). СПб.: Книга, 2004. 400 с.
- Павленко Н. И.* Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2004. 405 [1] с.